



УДК 314.727

Внутренняя миграция и формирование пригородных сообществ Улан-Удэ*

А. С. Бреславский

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ;
Научно-образовательный центр Межрегиональный институт общественных наук
при Иркутском государственном университете», г. Иркутск;
АНО «Центр независимых социальных исследований и образования», г. Иркутск*

Анализируется влияние сельско-городской миграции на пригородные поселения Улан-Удэ (Республика Бурятия). Автор выделяет основные группы мигрантов, определяет их мотивы и ожидания, рассматривает особенности их взаимоотношений с местным сообществом. В работе также исследуется роль сельско-городской миграции в изменении социально-бытовой инфраструктуры пригородных сообществ и архитектурного ландшафта пригорода.

Ключевые слова: внутренняя миграция, пригород, Улан-Удэ.

В фокусе внимания данной статьи – внутренние миграции в Республике Бурятия, а точнее их роль в формировании пригородной зоны столицы республики – города Улан-Удэ. Исследование, опиравшееся на анализ статистических данных, серию фокусированных и нарративных интервью, а также материалы включенного наблюдения автора, было проведено в 2011 г.; часть его результатов была опубликована [2]. Основной вопрос, который нас интересовал, – каким образом миграционная привлекательность Улан-Удэ изменила жизнь рассматриваемых пригородных сообществ и сами эти поселения за последние двадцать лет? Как внутренние миграции повлияли на социальную структуру, характер социальных взаимодействий в пригородных сообществах, как они видоизменили их архитектурный облик и инфраструктуру?

Случай постсоветского Улан-Удэ в этом смысле достаточно показательен: город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов [1, с. 132–155; 3, с. 4; 13; 14, с. 163–184]. Сельские жители каждый год продолжают прибывать в столицу, приобретая или арендуя жилье в Улан-Удэ, а иногда и незаконно захватывая участки земли в различных частях города [4, с. 129–154]. Вместе с тем сегодня территория Улан-Удэ [15], как оказывается, уже не может обеспечить по-

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., по темам «История формирования пригородов в Восточной Сибири во второй половине XX века» и «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» в научно-образовательном центре Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ.

требности новых переселенцев в доступном жилье и земле. В этих условиях – недостатка городской земли и ее высокой стоимости – мигранты все чаще обращают свое внимание на пригороды Улан-Удэ. Вместе с тем Улан-Удэ, как и большинство «социалистических» городов, никогда не имел ни предместий, ни маленьких городков, окружавших его в качестве пригородов. В советские годы эту роль играли спальные и заводские районы, а также значительные по площади зоны индивидуальной застройки. Однако сегодня, выехав за пределы городского округа, в непосредственной близости от него можно встретить поселения, которые сами местные жители и административная власть называют пригородом. Что представляют собой эти поселения и населяющие их сообщества? Каким образом Улан-Удэ, являясь главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил жизнь рассматриваемых пригородных сообществ и сами пригородные поселения за последние двадцать лет? Предварительный ответ на поставленные вопросы может быть представлен в виде следующей исследовательской гипотезы: пригородные поселения Улан-Удэ до начала 1990-х гг. являлись пригородом исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа); начиная с 1990-х гг., а в особенности с середины 2000-ых гг. ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого произошло существенное обновление местных сообществ, а также начала выстраиваться их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о пригородных уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Такого рода формулировка гипотезы подталкивает нас к постановке новых вопросов: становятся ли пригородные сообщества Улан-Удэ «городскими» (по образу жизни, деятельности, идентичности)? Происходит ли урбанизация пригородной жизни (на уровне практик, дискурсов)? Меняется ли внешний облик, инфраструктура пригорода? Чтобы ответить на поставленные вопросы, далее мы последовательно рассмотрим, во-первых, особенности и общие черты интересующих нас пригородных поселений, во-вторых, процессы их визуальной трансформации, изменения в структуре местных сообществ, связанные с воздействием миграционных процессов и, наконец, в заключение обратим внимание на отношение властей к новым мигрантам и ситуации, которую они формируют в пригородах.

Надо отметить, что пригородные территории Улан-Удэ составляют исключительно сельские поселения. Столицу республики окружают четыре сельских района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. Данное исследование основывалось на четырех кейсах-исследованиях, организованных автором в течение апреля-мая 2011 г. в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) [7] Тарбагатайского района республики, селах Нурселение, Сужа [12] Иволгинского района и селе Эрхирик [11] Заиграевского района. Дальнейшие выводы опираются на материалы серии фокусированных неформализованных интервью и данные включенного наблюдения автора. В качестве информантов (всего 17 человек) выступили жители обозначенных сел. В исследовании были также использованы статистические и аналитиче-

ские материалы администраций местных муниципальных образований, взятые с их официальных сайтов [8; 9; 10].

Надо отметить, что рассматриваемые села вплоть до последнего времени нельзя было сопоставить с пригородами западных городов по многим критериям: количеству населения, уровню инфраструктуры, идентичности местных жителей, образу их жизни. Каждый из рассматриваемых кейсов – Нижний Саянтуй, Сужа, Нурселение, Эрхирик – до середины 1990-х гг. представлял собой достаточно типичное слабо урбанизированное сельское поселение (в советские годы – организованное вокруг колхоза / совхоза), жители которого вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); превалирующей была и «сельская» идентичность. Однако с начала 2000-х гг., а в особенности с середины «нулевых» ситуация начала меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-ые гг. считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали вызывать все больший интерес у потенциальных переселенцев. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом, сейчас приобрела высокое символическое значение. Произошедшие изменения за последние двадцать лет выразились, как представляется, в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий (увеличением потока мигрантов) трансформировалась структура местных сообществ и видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики местного населения, что повлияло и на его идентичность.

Первая тенденция, о которой мы сказали, связана с увеличением потока мигрантов в рассматриваемые пригородные села. Возвращаясь к сформулированной выше гипотезе, отметим, что именно миграционная привлекательность этих территорий, на наш взгляд, способна обеспечить их «превращение» в «пригород». Рассмотрим этот тезис подробнее.

Стоит начать, пожалуй, с ответов на вопросы: что мы знаем о мигрантах в пригородах постсоветского Улан-Удэ? Кто они? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации? Опираясь на материалы собственного исследования, мы можем выделить в структуре мигрантов, переселявшихся в рассматриваемые поселения с начала 1990-х гг., две наиболее значительные группы: сельские жители Бурятии, переехавшие «поближе к городу» и городские жители, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. Стоит отметить сразу, что среди жителей рассматриваемых пригородных сел на момент обследования не было иностранных мигрантов и практически отсутствовали переселенцы из других субъектов России (на этот счет нет статистики – опираемся на данные интервью и материалы включенного наблюдения).

Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал достаточно распространенной практикой. Улан-Удэ, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью для мало-перспективной сельской Бурятии. Сельские жители-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные явления общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. При этом представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей, на наш взгляд, было и до сих пор остается отстраненным, «внешним», интуитивным, слабо отражающим постсоветские изменения. Подобные представления характерны для первого постсоветского десятилетия в целом, особенно устойчивы они в сознании жителей отдаленных от столицы республики сельских районов. Знание о городе у сельских жителей подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Поэтому часть из них предпочитают городу сельский пригород, который выглядит «более безопасным, более близким, более комфортным». По пути в город часть сельских жителей встречает непреодолимые преграды, вынуждающие их остаться в пригородах. Чаще всего это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточного количества денежных средств для покупки для покупки недвижимости или ее аренды.

Вторая наиболее значительная группа мигрантов в пригородах – переселенцы из города. Отметим, что в целом переезд жителей Улан-Удэ в сельские поселения республики – количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Представляется вполне очевидным, что число горожан, поменявших квартиру на дом в деревне, в изучаемый период было значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь ежегодно подталкивает часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, по возможности в близлежащие села и поселки, в том числе не входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить себе на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другие же (трудно сказать, кого больше) не могут выйти за пределы «сельского минимализма». Так или иначе, на момент исследования нельзя было сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового переселения финансово успешных улан-удэнцев.

Вместе с тем в разрезе четырех рассматриваемых нами кейсов проявились и некоторые особенности в структуре мигрантов, в их количестве и в количественном соотношении их с местным населением. Так, в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) – одном из наиболее удобных с точки зрения транспортной доступности – количество мигрантов с каждым годом (согласно общей для всех четырех кейсов тенденции) лишь возрастает. При этом здесь можно встретить не только жителей из более отдаленных поселений района и переселенцев из всех сельских районов Бурятии, но и значительное количество

во горожан. Несмотря на все увеличивающийся поток мигрантов, их количество в селе все же еще не соотносимо с числом местных жителей. Похожая ситуация имеет место и в с. Эрхирик Заиграевского района. Однако сюда и самих мигрантов ежегодно, как оказалось, пребывает меньше. Переезжают в основном горожане, значительно реже – жители других районов республики (возможно, это связано с тем, что граница села с городом находится в его северо-западной, наиболее удаленной от городского центра части).

В селах Сужа и Нурселение Иволгинского района, которые расположены друг напротив друга, наблюдается обратная ситуация: здесь количество мигрантов, перебравшихся сюда в постсоветский период, на момент исследования оказалось вполне сопоставимо с числом местных жителей. Это особенно показательно в случае с с. Нурселение, население которого за последние двадцать лет увеличилось в несколько раз. При этом основную долю мигрантов здесь составляют сельские жители – как «местные» (из Иволгинского района), так и приехавшие из других районов республики.

Рассматриваемые нами села, как мы отмечали, объединяет советское колхозное / совхозное прошлое. В этом смысле важно отметить, что все они на момент исследования представляли собой территории с отчетливо видимыми зонами «старой» и «новой» застройки – советского и постсоветского периода. При этом количественное (визуальное) соотношение старых и новых построек, а также «коренных» и «новых» жителей в этих селах существенно отличалось. Так, в с. Нижний Саянтуй и Эрхирик, с. Сужа, как показало исследование, преобладают зоны старой застройки, новые улицы начали появляться лишь в последние годы (с 2007–2008 гг.) и в относительно небольших масштабах (в среднем 30–50 домов). Обратная ситуация наблюдается в с. Нурселение, население и внешний облик которого претерпели существенные изменения в связи с массовыми миграциями.

С точки зрения формирующегося ландшафта застройки, ситуация по всем поселениям примерно одинакова: большинство жилищных новостроек (в том числе и дворовые постройки) выполнены из дерева, их следует отнести к «утилитарному», «деревенскому» стилю без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не выглядят как временное жилье, они построены основательно. В целом же, с визуальной точки зрения, пригороды Улан-Удэ на момент исследования сохранили вид достаточно типичных слабо урбанизированных сельских поселений современной Бурятии: здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, практически отсутствует инфраструктура отдыха и развлечений, нет крупных супермаркетов, плохие дороги, жилые дома выглядят однообразно, они созданы исключительно для утилитарных целей.

Взаимодействие мигрантов с жителями местных сообществ в целом имеет нейтральный характер. «Коренные» жители в своих интервью, конечно, отмечали, что они обращают внимание на новых жителей. Вместе с тем их отношение к приезжим «соседям» было и остается в целом именно нейтральным: пристального внимания к их жизни они не проявляют. Подобное нейтральное отношение к местным жителям характерно, на наш взгляд, и для

самих мигрантов. Вероятно, это можно связать также с тем, что мигранты (в основном выходцы из сельской Бурятии и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. Несмотря на то что мигранты оказались в роли «гостей», в рассматриваемых поселениях за прошедшие годы не возникло каких-либо значимых оснований для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот. Неактуальными здесь оказываются, как представляется, и какие-либо потенциально конфликтные групповые идентичности. В частности, усложнение национального состава во всех поселениях, бывших некогда в этническом отношении практически гомогенными, не привело к сколько-нибудь острым конфликтам. На это влияют традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

Вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до последнего времени не включались ни в республиканскую, ни в городскую повестку дня, оставаясь «проблемами местного значения». Однако в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой Концепции территориального развития Улан-Удэ [6] на них обратили внимание. В новой Концепции было предложено три варианта развития Улан-Удэ, предполагавших расширение границ городского округа за счет пригородных территорий (в том числе поселений) Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов. Согласно намеченному плану, с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Эрхирик могут войти в состав города. Вполне возможно, что это будет способствовать развитию данных территорий, их качественному преобразованию. Пока же подобная перспектива вызывает к жизни сдержанные, но оптимистические ожидания местного населения относительно инфраструктурного благополучия их территорий. Так или иначе, решение о включении рассматриваемых пригородных поселений в состав Улан-Удэ лишь повысит уровень их миграционной привлекательности, а, значит, поток переселенцев в эти места наверняка увеличится. На это сетуют и местные власти, ведь в их взаимоотношениях с мигрантами уже сегодня основным вопросом является проблема незаконного захвата земли и, соответственно, проблема регистрации. Стоит отметить, что муниципальные власти в данном случае пока идут на уступки. Так, в Нижнеиволгинском (с. Сужа и Нурселение) и Дабатуйском (с. Эрхирик) сельском поселении земельные участки до конца 2013 г. решили оформлять по «упрощенной системе», освобождающей нарушителей закона от административного наказания. Это позволяет многим переселенцам получить официальные права на свои земельные участки, став законными собственниками занятых прежде земель.

Другой серьезной проблемой, связанной с прибытием в пригородные поселения большого количества новых жителей, стало увеличение нагрузки на социальные и коммунально-бытовые службы местных и без того плохо финансируемых сельских муниципалитетов (школы, детсады, полиция, водо- и

электроснабжение и пр.). Несмотря на то что рассматриваемые нами поселения уже ни один год считают «пригородом», а в ближайшем будущем их могут включить в городской округ, в них по-прежнему существует много постоянных проблем с водо- и энергоснабжением и т. п. Лишь в последние годы был решен вопрос с общественным транспортом. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремится жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан и – в меньшей степени – для сельских жителей до сих пор остается во многом вынужденной, отнюдь не привлекательной для переезжающего миграционной стратегией.

Случай Улан-Удэ демонстрирует, возможно, один из типичных вариантов формирования пригородной зоны вокруг областных (краевых, республиканских) центров на востоке России. В его основе лежит массовый приток сельских жителей в город и пока лишь набирающая вес миграция горожан в сельский пригород. Улан-удэнскую пригородную зону в последние пятьдесят лет формировало именно село, выходцы из сельской Бурятии. Это отличает Улан-Удэ, в частности, от соседнего Иркутска, пригороды которого развивались в это же время, но по другому сценарию: в роли решающего актора выступало уже не село, а сам город [4]. И это подталкивает нас к более глубокому осмыслению изменений, происходящих в пригородах, а также делает еще более значимым решение компаративных задач.

1. *Бреславский А. С.* Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Отгиск, 2010. – С. 132–155.

2. *Бреславский А. С.* Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Отгиск, 2012. – С. 447–463.

3. *Будаева Ц. Б.* Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. – 2002. – 1 нояб. – С. 4.

4. *Григоричев К. В.* «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Отгиск, 2012. – С. 422–446.

5. *Карбаинов Н. И.* «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск : Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. – С. 129–154.

6. Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 года с увеличением численности населения до 700 тысяч человек [Электронный ресурс]. – URL: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc.

7. Краткая справка о Тарбагатайском районе Республики Бурятия на 01.08.2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru/official/101/>.

8. Официальный сайт Заиграевского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.admzgr.e-baikal.ru>.
9. Официальный сайт Иволгинского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ivolginsk.info>.
10. Официальный сайт Тарбагатайского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru>.
11. Перечень населенных пунктов муниципальных образований по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.minpriroda-rb.ru/content/nas_punkt.php?SECTION_ID=571.
12. Программа социально-экономического развития сельского поселения «Нижнеиволгинское» на 2008–2010 годы и на период до 2017 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ivolginsk.info/poseleniya/nizhneivolginskoe.html>.
13. Рандалов Ю. Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия) / Ю. Б. Рандалов [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 165 с.
14. Содномпилова М. М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства / М. М. Содномпилова // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163–184.
15. Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/>.

Internal Migration and Formation of the Suburban Communities of Ulan-Ude

A. S. Breslavsky

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude;
Irkutsk CASE hosted by the Irkutsk State University, Irkutsk;
Centre for Independent Social Researches and Education, Irkutsk*

Author analyzes the influence of rural-urban migration to suburban settlements of Ulan-Ude (Buryatia Republic). In the article main groups of migrants, their motivations and expectations, their relationship with local communities are considered. Moreover the role of rural-urban migration in changing social infrastructure of suburban communities and architectural landscape is considered.

Key words: internal migration, suburb, Ulan-Ude.

Бреславский Анатолий Сергеевич – младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ), научный сотрудник Научно-образовательного центра Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ (Иркутск), научный сотрудник АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (Иркутск), 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6, тел.: 89021620150, e-mail: anabres05@mail.ru

Breslavskiy Anatoly Sergeevich – Junior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Ulan-Ude), Scientist of the Irkutsk CASE hosted by the Irkutsk State University, Scientist of the Centre for Independent Social Researches and Education (Irkutsk), 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 6, phone 89021620150, e-mail: anabres05@mail.ru